Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 103–112.
Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2023, vol. 2 (233), pp. 103–112.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 82-091 (82-97) (82-92)
https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-103-112

«Верный ученик апостола Павла…»: к вопросу о мотивах духовного сближения архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) и Н. В. Гоголя (по материалам мемуаров В. Лаврского)

Светлана Владимировна Бурмистрова

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия,
t-svet2007@yandex.ru

Аннотация

Тема «Гоголь и Бухарев», впервые обозначенная в научно-богословской периодике конца XIX – начала XX в., стала предметом литературоведческого изучения лишь недавно. У истоков ее филологического осмысления стоят работы В. А. Воропаева, в которых книга о. Феодора (Бухарева) «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году» была включена в контекст изучения критического восприятия «Выбранных мест из переписки с друзьями» в литературе XIX в. Представляется, что не менее значимым является вопрос о мировоззренческой общности Гоголя и архим. Феодора, все еще не получивший обстоятельного рассмотрения в современной науке. Цель статьи – на материале мемуарных и публицистических текстов последней трети XIX – начала XX в. определить наиболее значимые факторы, послужившие предпосылкой для духовного сближения Гоголя и Бухарева. Материалом исследования выступают опубликованные в дореволюционной периодике («Богословский вестник», «Православный собеседник» и др.) мемуары, заметки, некрологи, посвященные архим. Феодору и содержащие в той или иной степени сведения о его знакомстве с Гоголем, а также запечатлевшие первые попытки современников разобраться в вопросе о воздействии друг на друга писателя и богослова. Материалы анализируются в междисциплинарном аспекте: историко-литературный метод дополняется методологическим инструментарием рецептивной эстетики и библейского богословия. По результатам исследования сделан вывод о характерном как для Гоголя, так и для о. Феодора (Бухарева) интересе к личности и богословию апостола Павла. Представляется, что именно это обстоятельство сыграло решающую роль в идейном и духовном сближении писателя и богослова. Начиная с конца 1840-х гг. Бухарев подготовил ряд научно-богословских работ об апостоле Павле («Учение ап. Павла об антихристе во 2 послании к Солунянам», «Несколько статей о святом апостоле Павле», «О подлинности апостольских посланий», «О послании апостола Павла к Филиппийцам», «О послании к Римлянам» и др.), заложивших основы изучения апостольской части Нового Завета в отечественной библеистике. Вероятно, о. Феодор стал для Гоголя своего рода консультантом по вопросам толкования посланий апостола Павла. И писателя, и богослова можно назвать «учениками апостола Павла», почерпнувшими из его посланий комплекс богословских идей, в значительной степени определивших их религиозный опыт, а в отношении Гоголя – и эстетическую концепцию. Сложно утверждать однозначно, кто на кого – богослов или писатель – оказал большее влияние, поскольку почти не сохранилось прямых свидетельств, сообщающих о конкретном содержании и характере бесед Гоголя с о. Феодором. Скорее всего, влияние было взаимным и равнозначным, поскольку о. Феодор питал искреннее уважение к Гоголю и восхищался его творчеством, а писатель с почтением относился к о. Феодору как носителю духовного сана и ученому богослову. Кроме того, их объединяли общие идеи и общий наставник в толковании и применении в жизни христианского учения – святой апостол Павел.

Ключевые слова: *Н. В. Гоголь, архимандрит Феодор (А. М. Бухарев), митрополит Филарет (Дроздов), «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году», апостол Павел, отечественная библеистика, богословская рецепция русской литературы, мемуары*

Для цитирования: Бурмистрова С. В. «Верный ученик апостола Павла…»: к вопросу о мотивах духовного сближения архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) и Н. В. Гоголя (по материалам мемуаров В. Лаврского) //

© С. В. Бурмистрова, 2024

Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 103–112. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-103-112

RUSSIAN LITERATURE, LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

"A faithful disciple of the Apostle Paul...": on the question of the motives of the spiritual rapprochement of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev) and N. V. Gogol (based on the memoirs of V. Lavrsky)

Svetlana V. Burmistrova

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, t-svet2007@yandex.ru

Abstract

The topic "Gogol and Bukharev" has moved into literary studies from the theological sphere. V. A. Voropaev was one of the first to turn to its philological understanding, who included the book by O. Feodor (Bukharev) "Three Letters to Gogol written in 1848" in the context of the problem of perception of "Selected passages from correspondence with friends" in the criticism of the XIX century. It seems that no less significant for modern science is the question of the ideological community of the writer and the theologian, their influence on each other, which left a mark in the activities of each of them. The purpose of the article is to use the material of memoirs and journalistic texts from the last third of the 19th – early 20th centuries to determine the most significant factors that served as a prerequisite for the spiritual rapprochement of Gogol and Bukharev. The research material was published in pre-revolutionary periodicals ("Theological Bulletin", "Orthodox Interlocutor", etc.) memoirs, notes, obituaries dedicated to Archimandrite Theodore and containing in one way or another information about his acquaintance with Gogol. The materials are analyzed in an interdisciplinary aspect: the historical and literary method is complemented by methodological tools of receptive aesthetics and biblical theology. Based on the results of the study, it was concluded that both Gogol and Archimandrite Theodore (Bukharev) had an interest in the personality and theology of the Apostle Paul. It seems that this circumstance played a decisive role in the ideological and spiritual rapprochement of the writer and the theologian. Beginning in the late 1840s, Bukharev prepared a number of scientific and theological works on the Apostle Paul ("The Teaching of the Ap. St. Paul on the Antichrist in the 2nd Epistle to the Thessalonians", "Several articles on the Holy Apostle Paul", "On the authenticity of the Apostolic Epistles", "On the Epistle of the Apostle Paul to the Philippians", "On the Epistle to the Romans", etc.), laid the foundations for the study of the apostolic part of the New Testament in Russian biblical studies. Probably, Archimandrite Theodore became a kind of consultant for Gogol on the interpretation of the letters of the Apostle Paul. Both the writer and the theologian can be called "disciples of the Apostle Paul," who drew from his epistles a set of theological ideas that largely determined their religious experience, and in relation to Gogol, their aesthetic concept. It is difficult to say unequivocally who influenced whom – the theologian or writer – because there is almost no direct evidence that reports on the specific content and nature of Gogol's conversations with Father Theodore. Most likely, the influence was mutual and equivalent, since they were united by common ideas, interests and a common mentor in the interpretation and application of Christian teaching in life – St. Paul the Apostle.

Keywords: *N. V. Gogol, Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev), Metropolitan Filaret (Drozdov), "Three Letters to Gogol written in 1848", Apostle Paul, Russian Biblical studies, theological reception of Russian literature, memoirs*

For citation: Burmistrova S. V. "Vernyy uchenik apostola Pavla...": k voprosu o motivakh dukhovnogo sblizheniya arkhimandrita Feodora (M. A. Bukhareva) i N. V. Gogolya (po materialam memuarov V. Lavrskogo) ["A faithful disciple of the Apostle Paul...": on the question of the motives of the spiritual rapprochement of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev) and N. V. Gogol (based on the memoirs of V. Lavrsky)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 103–112 (in Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-103-112

Введение

До недавнего времени история знакомства и взаимоотношений Н. В. Гоголя и архимандрита Феодора (А. М. Бухарева[1]) почти не попадала в поле зрения литературоведов. Как правило, она кратко освещалась лишь в научно-богословских источниках [1–3] в связи с описанием личности Бухарева и его богословской системы. Кроме того, упоминание о ней можно встретить и в некоторых журнальных заметках [4], опубликованных в церковной периодике по случаю гоголевских юбилеев 1902 и 1909 гг. Иными словами, тема «Гоголь и Бухарев» перешла в литературоведение из богословской сферы, а потому при ее филологическом анализе необходимо учитывать этот «религиозной трансфер». Одними из первых к ее осмыслению обратились такие литературоведы, как В. А. Воропаев, В. А. Фатеев, Е. И. Анненкова, Ю. Я. Барабаш. Так, В. А. Воропаев включил книгу о. Феодора «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 г.» в контекст изучения критического восприятия «Выбранных мест из переписки с друзьями» в литературе XIX в. [5], а также указал на близость взглядов писателя и богослова. В частности, в публикации «Гоголь и его духовное окружение: материалы к библиографическому словарю» исследователь приводит запись одного из учеников отца Феодора – Валериана Лаврского: «А замечательное сходство между идеями о. Феодора и идеями Гоголя; ныне мы читали его переписку с друзьями: при этом старшие студенты беспрестанно поражались удивительным сходством между идеями и даже выражением того и другого. Известно, что они были коротко знакомы; но кто из них у кого заимствовал этот дух и взгляд? – Невероятно было бы думать, что духовный от светского» [6, с. 118]. По мнению В. А. Воропаева, «совершенно очевидно, что в данном случае Гоголь повлиял на отца Феодора» [7]. К сожалению, этот вывод, как и сам вопрос о сходстве «между идеями о. Феодора и идеями Гоголя», не получил в статье подробного комментария, вероятно, в силу ее жанрового статуса: это всего лишь «материалы к библиографическому словарю», не позволяющие автору вдаваться в детали. Между тем «Воспоминания» протоиерея В. Лаврского содержат любопытные сведения, проливающие дополнительный свет на причины идейного и духовного сближения отца Феодора и Гоголя.

Материал и методы

Материалом исследования послужили опубликованные в дореволюционной периодике («Богословский вестник», «Православный собеседник» и др.) мемуары, заметки, некрологи, посвященные архим. Феодору и содержащие в той или иной мере сведения о его знакомстве с Гоголем. Материалы анализируются в междисциплинарном аспекте: историко-литературный метод дополняется методологическим инструментарием рецептивной эстетики и библейского богословия.

Результаты и обсуждение

Мемуары Лаврского были впервые опубликованы в журнале Московской духовной академии «Богословский вестник». Они печатались там частями на протяжении 1905–1906 гг. под заголовком «Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве)». Время их появления неслучайно: в 1906 г. исполнилось 35 лет со дня кончины А. М. Бухарева. Лаврский подчеркивает, что его «личные воспоминания» отличаются максимальной объективностью, поскольку они записаны не через десятилетия, а почти сразу после того, как случилось им описываемое. При изложении настоящих воспоминаний, объясняет автор, «я пользуюсь… собственными моими письмами, писанными к родителям в период моей академической жизни (1854–1858)» [8, с. 500]. Имеется в виду обучение Лаврского в Казанской духовной академии в тот период, когда в ней преподавал, а с 1855 г. также нес послушание инспектора архим. Феодор. Кроме того, мемуарист включает в текст «Воспоминаний» свою переписку с отцом Феодором, а также переписку с ним других близких ему людей. «Наконец, – пишет Лаврский, – для „восстановления истины“… я буду обращаться… к сочинениям» самого архим. Феодора [8, с. 500–501]. В частности, в «Воспоминаниях» фигурируют «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 г.», в контексте повествования о которых мемуарист излагает историю знакомства отца Феодора с Гоголем.

По словам Лаврского, поводом для их личного знакомства послужили «Выбранные места из переписки с друзьями». Эта книга, вызвавшая много толков в русском обществе 1840-х гг., произвела сильное впечатление на молодого иеромонаха, в 1846 г. окончившего Московскую духовную академию и оставленного при ней бакалавром для продолжения научной деятельности. К моменту выхода в свет «Переписки»

[1] Архимандрит Феодор (в миру – Александр Матвеевич Бухарев, 1822–1871), богослов, преподаватель Московской духовной академии (1846–1854), преподаватель, инспектор, и. о. ректора Казанской духовной академии (1854–1858). В монашеском постриге и священническом сане с 1846 г., в сане архимандрита с 1853 г. В 1862 г. подает прошение в Синод о сложении духовного и монашеского сана, которое было удовлетворено в 1863 г. В том же году венчался с А. С. Родышевской. 2 апреля 1871 г. скончался, погребен на кладбище Переславля-Залесского.

(1847) отец Феодор уже хорошо знал творчество Гоголя. Следует заметить, что многие студенты с увлечением следили за литературной деятельностью своего выдающегося современника. В публикации преподавателя академии Н. Л. Туницкого[1] «Заметка о посещении Н. В. Гоголем Московской Духовной Академии» (1909) сообщается, что в середине XIX в. «литературные интересы в среде студентов Московской академии занимали далеко не последнее место. <…> Особенной популярностью и любовью… в это время пользовался Гоголь. Многие выдержки из его повестей, особенно из „Мертвых душ“, некоторые любители знали наизусть, а „Ревизора“ и „Женитьбу“ несколько раз даже играли в занятных комнатах» [4, с. 479–480].

Отец Феодор был одним из немногих, кто безоговорочно принял и высоко оценил гоголевскую «Переписку». Обрушившаяся на писателя критика со стороны «двух противоположных лагерей»: светских литераторов и «заправителей духовной жизни и науки» побудила отца Феодора, по словам Лаврского, протянуть ему «руку помощи» [8, с. 523] и публично высказать свое мнение по поводу «Выбранных мест…». В результате на свет появилось богословско-филологическое исследование «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 г.». Однако своевременно опубликовать его отец Феодор не смог, так как не получил на это разрешения от митрополита Филарета (Дроздова), который лично контролировал всю литературу, издаваемую академией и другими подведомственными ему учреждениями. Работа увидела свет уже после смерти Гоголя – в 1860 г., тогда же архим. Феодор дополнил ее предисловием.

Поскольку сам Лаврский в 1848 г. еще не был знаком с отцом Феодором, то, повествуя об истории публикации «Трех писем к Гоголю…», он опирался на воспоминания людей, которые были причастны к ней как со стороны отца Феодора, так и со стороны Гоголя. Речь идет о некрологе отца Александра Лебедева и «Воспоминаниях об А. М. Бухареве» М. П. Погодина. В некрологе А. Лебедева, который кратко пересказывает Лаврский, сообщается о том, что «Три письма к Гоголю…» вызвали недовольство митр. Филарета из-за того, что отец Феодор как преподаватель Священного Писания выбрал, с точки зрения святителя, не совсем соответствующий предмет для своего исследования [8, с. 523]. В некрологе также упоминается о болезни отца Феодора, скорее всего, вызванной переживаниями из-за решения митрополита. В тот период, когда отец Феодор находился на лечении в семинарской больнице в Москве, он «списался с Гоголем, и с этого времени с ним познакомился» [8, с. 523].

Желая более подробно разобраться в истории публикации «Трех писем к Гоголю…», Лаврский обращается к «Воспоминаниям» Погодина, который, как известно, тесно общался с Гоголем, а также был неплохо знаком с отцом Феодором. Прежде всего Лаврский пытается выяснить, какое значение сам автор придавал своим «Трем письмам…». Согласно Погодину, для отца Феодора «начатое им дело было тоже делом его монашеского подвига; письма к Гоголю писаны им были во дни великого поста, которые отец Феодор… называет днями особенной сосредоточенности» [8, с. 527]. Погодин также сообщает о том, что отец Феодор твердо защищал свое «дело» перед митр. Филаретом и, в частности, высказал мысль о «непозволительности для „духовных“ смотреть „сложа руки“ на то, как „светские“ их братья трудятся и болезненно подвизаются в деле проведения в жизнь начал истины Христовой, смотреть безучастно, как они бьются оставленные одними, терпя жестокие нападения от других» [8, с. 527].

Содержащиеся в воспоминаниях Погодина подробности об истории с «Тремя письмами…» в главных моментах совпадают с той версией, которую излагает сам А. М. Бухарев в своих воспоминаниях о митр. Филарете, написанных в 1868 г. и впервые изданных в «Православном обозрении» в 1884 г. Возвращаясь в своих воспоминаниях к этой ситуации спустя 20 лет, Бухарев рассматривает ее в более широком контексте: через призму «обстоятельств эпохи», а также богословия и пастырской педагогики митр. Филарета. Так, он утверждает, что московский святитель действительно «стоял за разобщение между духовной и светской мыслью» [9, с. 745], и, заметив его «горячее… внимание и участие к делу светской мысли и светского слова», сказал ему: «Мне не нравится твое направление» [9, с. 746]. Однако Бухарев объясняет такую позицию не непоследовательностью митрополита, напоминая о его стихотворной переписке с А. С. Пушкиным и подчеркивая, что в данном случае архипастырь проявил к поэту «соучастие в духе высшей любви» [9, с. 744], но «обстоятельствами эпохи» [9, с. 746]. По его мнению, «мудрый… пастырь видел светскую мысль и вообще все светское направление еще не вошедшими… в духовно-благодатную обетованную землю Христовой истины», а потому «трепетал за истощение… духовности… от борений… болеющего еще ума…

[1] Туницкий Николай Леонидович (1878–1934), профессор Московской духовной академии по кафедре истории русской литературы, руководитель студенческого литературного кружка в МДА.

светской образованности» [9, с. 746]. В то же время Бухарев отмечает, что когда митрополит увидел его стремление «искать в области светской мысли и слова собственно служение одной для всех… истине – Христу», то «сказал тогда же уже другое слово и притом с ощутительной особенной духовной силой: „Иди с Богом!“» [9, с. 746]. Поэтому Бухарев считает, что архипастырь благословил его на исследования «в области светской мысли и слова», хотя и не отменил своего решения касательно «Трех писем…». Кроме того, он полагает, что если бы «светское направление» в своих изысканиях старалось искренно искать истины Христовой, то владыка Филарет не только бы не препятствовал диалогу светской и религиозной культуры, но и «из другой жизни» благословил бы «взаимное их единение» [9, с. 746]. Такой вывод позволяет Бухареву вполне обоснованно, т. е. по благословению митрополита, проводить в жизнь столь значимую для него идею о призвании духовной и светской культуры «к единению между собою в Христовом теле церкви, которого они – только разные члены и органы» [9, с. 745]. Именно это стремление внести свет Христовой истины в земную жизнь, смотреть «на все в соприкосновении с Богом» [10, с. 12] Бухарев нашел в гоголевской «Переписке», а в лице ее автора – своего единомышленника.

Известно, что отец Феодор встречался с Гоголем несколько раз. Первая их встреча произошла в Москве в 1848 г., в этом же году, как свидетельствует свящ. Павел Флоренский, Гоголь неоднократно посещал Бухарева в его келье в Московской духовной академии [11]. Последний раз они виделись в октябре 1851 г., когда по просьбе отца Феодора писатель согласился быть представленным студентам академии.

В своих «Воспоминаниях» Лаврский упоминает лишь о московской встрече, но подразумевает и ряд других, что позволяет ему с уверенностью утверждать, что архим. Феодор «был короткий приятель Гоголя» [6, с. 107]. Он имел возможность не раз убедиться в этом в период своего обучения в Казанской духовной академии, когда познакомился с архим. Феодором. Так, мемуарист сообщает, что в беседе с ним и с другими студентами академии отец Феодор нередко приводил примеры из «Выбранных мест…» Гоголя [6, с. 112], а также говорил, что, если художественная «литература со Христом – она действует благотворно… даже и в том случае, когда берутся предметы низкие, черные» [6, с. 112–113], имея в виду творчество Гоголя. Заметим, что приведенное Лаврским высказывание отца Феодора о литературе почти дословно совпадает с отрывком из «Трех писем к Гоголю…». В другом месте Лаврский пишет, что когда Бухареву приходилось заменять на занятиях преподавателя словесности, то он рассказывал студентам о гоголевской «Переписке», а также «читал свои письма о Гоголе» [12, с. 569]. Кроме того, он разъяснял причины, которые побудили его заняться исследованием «Выбранных мест…». По словам Лаврского, главную цель своего сочинения архим. Феодор видел в том, чтобы «поднять упавший дух Гоголя», «убиваемого внутренними противоречиями и отношениями друзей… читателей и почитателей» [12, с. 569]. «Три письма…», отмечает Лаврский, «имели значение апологии Гоголя» и обязательно должны были быть «открытыми письмами», поэтому запрет на их публикацию сильно огорчил автора. В связи с этим мемуарист обращает внимание на несколько важных, с его точки зрения, деталей. Во-первых, митрополит Филарет, наложивший вето на «Три письма…», прочитал лишь первое письмо, так как остальные два на тот момент еще не были написаны. Во-вторых, несмотря на вердикт митрополита, «отец Феодор не отступился от своего дела», именно потому, подчеркивает Лаврский, что «не было у него своих дел, но всегда и во всем он делал дело Христово» [12, с. 570]. Иными словами, как и Погодин, мемуарист полагает, что сам Бухарев рассматривал «Три письма…» как продолжение своего монашеского служения Христу, связывая их предназначение с нравственными и догматическими задачами: оказать моральную поддержку Гоголю и послужить «для исправления некоторых неверностей» его «богословствующей мысли» [12, с. 569]. Кроме того, Лаврский отмечает, что сочинение о Гоголе, особенно третье письмо, «заключает догматику» самого отца Феодора и тесно связано с другими его работами, например с книгой «О современности в отношении к Православию» (1860).

Лаврский неоднократно подчеркивает, что Бухарев относился к писателю с глубоким почтением, более того, видел в нем едва ли не исповедника. Например, в записи от 30 октября 1854 г. он передает следующее высказывание архим. Феодора о Гоголе: «явился было у нас сын Христов, но те-то, которым бы следовало принять его, пастыри церкви, они-то его и не приняли» [6, с. 100]. Вероятно, отец Феодор имел в виду критические отклики на «Переписку» митр. Филарета и свт. Игнатия (Брянчанинова). В представлении Лаврского Бухарев воспринимает Гоголя как близкого себе по духу человека, который стремился быть христианином не только в жизни, но и в своем творчестве. Мысль о

духовном родстве отца Феодора и Гоголя очень прочно утвердилась не только в сознании мемуариста, но и в среде студентов Казанской академии, которые отмечали «замечательное сходство между идеями о. Феодора и идеями Гоголя… и даже выражением того и другого» [6, с. 118].

Лаврский не ставит перед собой задачи выяснить, в чем именно заключалось это идейное сходство, но, рассуждая о религиозном миросозерцании архим. Феодора, он приводит факты, которые позволяют понять причины взаимного интереса друг к другу богослова и писателя. Так, он сообщает, что богословское мировоззрение отца Феодора, сложившееся в период его обучения, а затем и преподавания в Московской духовной академии (1842–1854), было «столь своеобразное, что в богословской литературе он не имеет ни предшественников, ни преемников и подражателей» [8, с. 506]. Однако тут же мемуарист делает оговорку, что если отца Феодора и «можно признать чьим-либо продолжателем в богословствовании, то разве только митрополита Филарета Московского». В раскрытии же «духовно-таинственного смысла Писания, – полагает он, – о. Феодор является учеником прежде всего Ап. Павла» [8, с. 506]. Лаврский неоднократно называет Бухарева учеником апостола Павла, имея в виду прежде всего его духовное миросозерцание, а также его метод толкования библейского текста, почерпнутый из павловых посланий.

О том, что архим. Феодору было присуще «чисто Павловское богословское миросозерцание» [1, с. 560] и что в основе его богословской системы лежат положения, взятые «большею частию у Апостола Павла» [1, с. 567], пишет и другой ученик Бухарева в Казанской духовной академии, впоследствии ее профессор, – П. В. Знаменский. В доказательство Знаменский ссылается на академические лекции по Священному Писанию самого Бухарева, изданные в 1860 г. под названием «Несколько статей о Св. Апостоле Павле», где их автор утверждает, что «дело истолкования Св. Писания… стараемся мы утвердить на основании и вести в порядке, раскрытом именно из учения Апостола Павла» [13, с. 201].

В своих мемуарах Лаврский использует формулу «ученик апостола Павла» в отношении отца Феодора и в тех случаях, когда хочет охарактеризовать его не только как богослова и преподавателя, но и как инспектора Казанской академии. «Верный ученик апостола Павла, – пишет Лаврский, – он увидел в ней то направление, против которого всю жизнь свою вел борьбу апостол, – направление возврата от благодати к закону» [8, с. 537]. По признанию мемуариста, к тому времени, когда архим. Феодор был переведен в Казанскую академию, ее «студенческая корпорация являлась образцово-послушной исполнительницей воли начальства и уставных правил внешнего благоповедения», в ней главенствовало направление «формализма, видимости, буквального исполнения закона» [6, с. 104]. О неудовлетворительном состоянии дисциплинарной системы в Казанской академии пишет и Знаменский, отмечая, что она была основана «на одном только внешнем бездушном законе, на страхе, работающем „точию пред очима“ (Кол. 3. 22), чуждом любви и свободы чад Божиих» [1, с. 565]. Став инспектором академии, отец Феодор был «намерен водворить… вместо формы владычество духа» [6, с. 109]. Однако для некоторых членов академической корпорации (как студентов, так и преподавателей) воспитательные методы архим. Феодора и его собственная поведенческая модель показались нестандартными, несмотря на то что они, как считает Лаврский, целиком прорастают из православной духовности. По его мнению, отец Феодор «все видит во Христе, объясняет через Христа, все относит ко Христу и в мире, и в действиях христианина» [6, с. 119], а лучшим эпиграфом «для учения и для всей жизни о. Феодора», считает мемуарист, могут послужить слова из посланий ап. Павла: «живу же не к тому аз, но живет во мне Христос» [6, с. 119].

Примерно в таком же смысловом поле инспекторская деятельность архим. Феодора оценивается в публикации Знаменского, который полагает, что и на «свое инспекторское служение» он «смотрел как на богослужение» [1, с. 564]. Объясняя особенности «инспекторского служения» отца Феодора, Знаменский апеллирует к посланиям апостола Павла, используя образы церкви как тела Христова и христиан как членов этого тела. «Сообразуясь, по своей религиозной системе, Единородному, – пишет Знаменский, – он сам, так сказать, принимал на себя зрак студента, смотрел на себя как на члена одного с студентами тела, одной маленькой Христовой церкви с одной общей жизнью всех ее членов, каждую вину студента считал своею, страдая за нее как за проявление собственной мертвенности вследствие удаления от Единородного» [1, с. 564].

И Знаменский, и Лаврский неоднократно обращают внимание на то, что архим. Феодор не только изучил апостольские послания, причем «так внимательно, что, можно сказать, вжился в их высокое учение, всецело усвоил образ их воззрений и отчасти самый даже их язык» [1, с. 557], но также внес существенный вклад в отечественную

библеистику. В конце 1840-х – начале 1850-х гг. Бухарев подготовил ряд научно-богословских работ об апостоле Павле, среди которых: «Учение ап. Павла об антихристе во 2 послании к Солунянам», «Несколько статей о святом апостоле Павле», «О подлинности апостольских посланий», «О послании апостола Павла к Филиппийцам», «О послании к Римлянам». Лаврский подчеркивает, что в совокупности эти исследования представляют собой «синтетическое изложение содержания всех посланий ап. Павла» и являются одним из «драгоценнейших наследий, оставленных нам о. Феодором» [8, с. 517]. Ценность работ архим. Феодора связана так же с тем, что они стоят у истоков изучения апостольской части Нового Завета в отечественной библеистике. Современные исследователи также называют Бухарева «одним из основоположников русской библеистики» [14, с. 399] и полагают, что его богословская система является «результатом… вдумчивого прочтения Нового Завета, прежде всего посланий апостола Павла» [14, с. 500]. Вплоть до 1860–1870-х гг. в русской богословской литературе не существовало систематического толкования на все послания апостола Павла. Первые самостоятельные труды по апостолу Павлу появляются только с конца XVIII в. Имеются в виду толкования на послания апостола Павла архимандрита Аполлоса (Байбакова), изданные 1785–1787 гг., и толкования архим. Мефодия (Смирнова), впервые опубликованные в 1794 г. и еще дважды переизданные (1799, 1815). Известно также о нескольких работах, относящихся к первой половине XIX в.: толкования на послания апостола Павла к Римлянам и на послания к Галатам еп. Иринея (Фальковского), а также «Жизнь св. ап. Павла» Иннокентия (Борисова), будущего архиепископа Херсонского.

Несмотря на актуальность подобного рода исследований, работы Бухарева об апостоле Павле были опубликованы лишь спустя десятилетие после их создания – в 1860-е гг., поскольку их не допустил к печати митр. Филарет. Комментируя этот факт, Лаврский поясняет, что не следует думать, будто бы владыка считал сочинения отца Феодора неправославными или же подвергал сомнению «чистоту и цельность веры молодого ученого богослова» [8, с. 525], причина запрета – в самом предмете исследования, который «требовал крайней осторожности при напечатании в академическом печатном органе» [8, с. 526]. Вероятно, желая убедить читателя в чрезмерной осторожности церковных иерархов в отношении работ об апостоле Павле, мемуарист приводит пример, касающийся судьбы сочинения архим. Иннокентия (Борисова)[1] «Жизнь св. ап. Павла». Оно было напечатано в журнале «Христианское чтение» в 1826 г., но впоследствии, сообщает Лаврский, фундаментальные библиотеки духовно-учебных заведений получили распоряжение не выдавать его «учащемуся духовному юношеству» [8, с. 526].

Возвращаясь к вопросу о мотивах духовного сближения Гоголя с Бухаревым, можно предположить, что решающую роль здесь сыграло то обстоятельство, что отец Феодор на тот момент являлся одним из немногих отечественных библеистов, изучавших апостольскую часть Нового Завета. Вероятно, он стал для Гоголя своего рода консультантом по вопросам толкования посланий апостола Павла. Действительно, в 1840-е гг. Гоголь очень внимательно изучал текст апостольских посланий, о чем прежде всего свидетельствует одна из принадлежавших писателю Библий. Имеется в виду славянская Библия 1820 г. издания, в которой содержатся его пометы, сделанные, по предположению исследователей, в течение 1840-х гг. [15, с. 31] и касающиеся по большей части именно посланий св. Павла – 190 примечаний из 223, относящихся к Новому Завету [16, с. 99].

О значении посланий апостола Павла для Гоголя мы можем судить и по его эпистолярию. Так, в переписке Гоголя с А. О. Смирновой апостольский текст представлен не просто на уровне цитат, аллюзий, но используется в качестве своего рода языка для описания душевного состояния и религиозного опыта собеседников.

В письме к сестре Ольге от января 1847 г. писатель говорит об апостоле Павле как о наставнике, помогающем жить по-христиански: «Читай всякий день Новый Завет, и пусть это будет единственное твое чтение. Там все найдешь, как быть с людьми и как уметь помогать им. Особенно для этого хороши послания апостола Павла. Он всех наставляет и выводит на прямую дорогу, начиная от самых священников и пастырей Церкви до простых людей, всякого научает, как ему быть на своем месте и выполнить все свои обязанности в мире как в отношении к высшим, так и низшим» [17, с. 49]. Интересно отметить, что Бухарев в своей книге «Несколько статей о святом апостоле Павле», над которой он работал главным образом в конце 1840–1850-х гг., так же, как и Гоголь, подчеркивал, что «в Боговдохновенных посланиях апостола Павла… мы имеем…

[1] Святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический (в миру Иван Алексеевич Борисов, 1800–1857), канонизирован Русской православной церковью в 1997 г.

божественное руководство для веры и деятельности христианской» [13, с. 5].

Наконец, апостольский текст присутствует в художественных и публицистических сочинениях Гоголя в качестве прямых и косвенных цитат, аллюзий и в целом формирует концептуальную парадигму его творчества 1840-х гг. Прежде всего у апостола Павла Гоголь нашел обоснование своей концепции православной культуры, которую наиболее полно представил в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и в «Авторской исповеди». Протоиерей Василий Зеньковский называет Гоголя «пророком православной культуры» [18, с. 186] и полагает, что в этих сочинениях писателя выражена «целая программа построения культуры в духе Православия» [18, с. 193]. Примечательно, что Зеньковский называет также и Бухарева родоначальником идеи православной культуры в области богословия.

Действительно, концепция православной культуры была одинаково близка и Гоголю, и Бухареву и, скорее всего, обсуждалась во время их личных встреч. Бухарев так же, как и Гоголь, полагал, что «вся наука, и литература, и всякое искусство, и ремесло, и политика, и вся общественная и семейная жизнь – всё без исключения в мире христианском должно непременно возглавляться в Единородном, Который и Сам поставил Себя на земле во все условия человеческой жизни, все искупил ценою Своей крови» [1, с. 559]. Анализируя «Выбранные места…», архим. Феодор рассматривает их прежде всего сквозь призму идеи воцерковления русской действительности. Так, он отмечает, что «основные мысли, душа и дух… „Переписки с друзьями“… направлены к тому, чтобы… все виды и стороны человеческого и земного освещались, исправлялись и благоустроялись истиною Христовою» [10, с. 21]. Эту идею Бухарев считал главной у Гоголя, она же определяла и его собственные богословские взгляды. Не случайно современные исследователи полагают, что «Три письма к Гоголю…» являются «более богословским, чем литературно-критическим, сочинением Бухарева», что в «книге о Гоголе Бухарев наметил контуры своей богословской системы» [14, с. 399]. На эту особенность «Трех писем к Гоголю…», когда повествование о Гоголе становится одновременно и выражением своих собственных взглядов, актом самопрезентации, указывает также Лаврский. В его записи от апреля 1856 г. сообщается, что когда отец Феодор рассказывал студентам о своих «Трех письмах к Гоголю…», то, излагая «воззрения на мир самого поэта», причем «все собственными словами его произведений», им казалось, что «мысли о. Феодора и Гоголя совершенно одинаковы» и что, «слушая мысли Гоголя из уст о. Феодора, слышим самого о. Феодора» [12, с. 570].

Заключение

Таким образом, утверждение о значимости апостольского текста для миросозерцания и творчества Гоголя, получившее обоснование и развитие в работах современных литературоведов (Р.-Д. Кайль, В. А. Воропаев, П. В. Михед, Е. И. Голубева и др.), уточняется в контексте истории взаимоотношений Гоголя и Бухарева. И писателя, и богослова можно назвать «учениками апостола Павла», почерпнувшими из его посланий целый комплекс богословских идей, в значительной степени определивших их религиозный опыт. В отце Феодоре Гоголя привлекала не только его богословская компетентность, но и его высокодуховная жизнь, сама его личность, выражавшая, по словам Лаврского, «дух посланий св. Апостола Павла» [6, с. 119]. Гоголь, который и сам глубоко почитал «апостола языков» и старался в своей духовной жизни руководствоваться его учением, конечно, не мог пройти мимо встречи с этим человеком. Сложно утверждать однозначно, кто на кого оказал большее влияние, поскольку не сохранилось никаких прямых свидетельств, сообщающих о конкретном содержании и характере бесед Гоголя и отца Феодора. Скорее всего, влияние было взаимным и равнозначным, поскольку их объединяли общие идеи, интересы и общий наставник в толковании и применении в жизни христианского учения – святой апостол Павел.

Список источников

1. Знаменский П. В. Печальное двадцатипятилетие // Православный собеседник. 1896. Ч. I. Апрель. С. 555–584.
2. Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М.: Изд. бывших воспитанников Моск. духов. акад., 1914. 772 с.
3. Карташев А. В. Халкидонская проблема в понимании русских мыслителей // Вселенские соборы. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. С. 363–371.
4. Туницкий Н. Л. Заметка о посещении Н. В. Гоголем Московской Духовной Академии // Богословский вестник, 1909. Т. 1, № 3. С. 479–485.
5. Воропаев В. А. «Нет другой двери…»: о Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019. 448 с.

6. Лаврский В. В. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве) // Богословский вестник. 1906. Т. 2, № 5. С. 98–128.
7. Воропаев В. А. Н. В. Гоголь и его духовное окружение: материалы к библиографическому словарю. URL: https://portal-slovo.ru/philology/48098.php (дата обращения: 04.06.2023).
8. Лаврский В. В. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве) // Богословский вестник. 1905. Т. 2, № 7–8. С. 499–538.
9. Бухарев А. М. О Филарете митрополите Московском как плодотворном двигателе православно-русской мысли // Православное обозрение. 1884. Ч. 1. Апрель. С. 713–749.
10. Бухарев А. М. Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году. СПб.: Типография морского министерства, 1861. 264 с.
11. Хронологическая схема жизни архимандрита Феодора (Александра Матвеевича Бухарева). Составлена свящ. П. Флоренским // Архимандрит Феодор (Бухарев А. М.): pro & contra. СПб.: РХГА, 1997. URL: http://russianway.rhga.ru/section/katalog/arkhimandrit-feodor-bukharev-a-m-.html (дата обращения: 05.06.2023).
12. Лаврский В. В. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве) // Богословский вестник. 1906. Т. 2, № 7–8. С. 569–609.
13. Бухарев А. М. Несколько статей о святом апостоле Павле. СПб.: Типография Королева и комп., 1860. 205 с.
14. Фатеев В. А. Бухарев. Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. VI. М.: Православная энциклопедия, 2003. С. 398–401.
15. Голубева Е. И. Н. В. Гоголь и Библия: к истокам загадочных смыслов в произведениях писателя. М.: Паломник, 2016. 168 с.
16. Бурмистрова С. В. Функции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя // Stephanos. 2019. № 3 (35). С. 99–107.
17. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 14: Переписка 1847 / сост., подготовка текстов и коммент. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Московской патриархии, 2009. 704 с.
18. Зеньковский В. В. История русской философии. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1, ч. 1. 221 с.

References

1. Znamenskiy P. V. *Pechal'noye dvadtsatipyatiletiye* [Sad twenty-fifth anniversary]. *Pravoslavnyy sobesednik. Chast' 1* [Orthodox interlocutor. Part 1]. 1896. P. 555–584 (in Russian).
2. *Iz vospominaniy protoiyereya S. S. Modestova* [From the memoirs of Archpriest S. S. Modestova]. In: U Troitsy v Akademii. 1814–1914. Yubileynyy sbornik istoricheskikh materialov [At Trinity at the Academy. 1814–1914. Anniversary collection of historical materials]. Moscow, Izd. byvshikh vospitannikov Moskovskoy dukhovnoy akademii Publ., 1914. 772 p. (in Russian).
3. Kartashev A. V. *Khalkidonskaya problema v ponimanii russkikh mysliteley* [The Chalcedonian Problem in the Understanding of Russian Thinkers]. In: Kartashev A. V. Vselenskiye sobory. Klin, Fond "Kyristianskaya zhizn'" Publ., 2002. P. 363–371 (in Russian).
4. Tunitskiy N. L. Zametka o poseshchenii N. V. Gogolem Moskovskoy Dukhovnoy Akademii [Note about N. V. Gogol's visit to the Moscow Theological Academy]. *Bogoslovskiy vestnik – Theological Bulletin*, 1909, vol. 1, no. 3, pp. 479–485 (in Russian).
5. Voropaev V. A. *"Net drugoy dveri…": O Gogole i ne tol'ko* ("There is no other door...": About Gogol and not only]. Moscow, Belyy gorod Publ., 2019. 448 p. (in Russian).
6. Lavrskiy V. V. Moi vospominaniya ob arkhimandrite Feodore (A. M. Bukhareve) [My memories of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev)]. *Bogoslovskiy vestnik – Theological Bulletin*, 1906, vol. 2, no. 5, pp. 98–128 (in Russian).
7. Voropaev V. A. N. V. *Gogol' i yego dukhovnoye okruzheniye: materialy k bibliograficheskomu slovaryu* [Gogol and his spiritual environment: materials for a bibliographic dictionary] (in Russian). URL: https://portal-slovo.ru/philology/48098.php (accessed 4 June 2023).
8. Lavrskiy V. V. Moi vospominaniya ob arkhimandrite Feodore (A. M. Bukhareve) [My memories of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev)]. *Bogoslovskiy vestnik – Theological Bulletin*, 1905, vol. 2, no. 7–8, pp. 499–538 (in Russian).
9. Bukharev A. M. O Filarete mitropolite Moskovskom kak plodotvornom dvigatele pravoslavno-russkoy mysli [About Metropolitan Filaret of Moscow as a fruitful engine of Orthodox-Russian thought]. *Pravoslavnoye obozreniye*, 1884, vol. 1, pp. 713–749 (in Russian).
10. Bukharev A. M. *Tri pis'ma k Gogolyu, pisannyye v 1848 godu* [Three letters to Gogol, written in 1848]. Saint Petersburg, Tipografiya morskogo ministerstva Publ., 1861. 264 p. (in Russian).

11. Khronologicheskaya skhema zhizni arkhimandrita Feodora (Aleksandra Matveevicha Bukhareva). Sostavlena svyashchennikom P. Florenskim [Chronological diagram of the life of Archimandrite Theodore (Alexander Matveevich Bukharev). Compiled by priest P. Florensky]. *Arkhimandrit Feodor (Bukharev A. M.): pro & contra* [Archimandrite Theodore (Bukharev A. M.): pro & contra] (in Russian). URL: http://russianway.rhga.ru/section/katalog/arkhimandrit-feodor-bukharev-a-m-.html (accessed 5 June 2023).
12. Lavrskiy V. V. *Moi vospominaniya ob arkhimandrite Feodore (A. M. Bukhareve)* [My memories of Archimandrite Theodore (A. M. Bukharev)]. *Bogoslovskiy vestnik – Theological Bulletin*, 1906, vol. 2, no. 7–8, pp. 569–609 (in Russian).
13. Bukharev A. M. *Neskol'ko statey o svyatom apostole Pavle* [Several articles about St. Paul the Apostle]. Saint Petersburg, Tipografiya Koroleva and comp. Publ.,1860. 205 p. (in Russian).
14. Fateev V. A. Bukharev [Buharev]. *Pravoslavnaya entsiklopediya.* Pod redaktsiyey patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. Volume 6 [Orthodox encyclopedia. Edited by Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. Volume VI]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2003. P. 398–401 (in Russian).
15. Golubeva E. I. N. V. *Gogol' i Bibliya: k istokam zagadochnykh smyslov v proizvedeniyakh pisatelya* [Gogol and the Bible: to the origins of mysterious meanings in the works of the writer]. Moscow, Palomnik Publ., 2016. 168 p. (in Russian).
16. Burmistrova S. V. Funktsii apostol'skogo teksta v "Vybrannykh mestakh iz perepiski s druz'yami" N. V. Gogolya [Functions of the Apostolic text in "Selected places from correspondence with friends" by N. V. Gogol]. *Stephanos,* 2019, no. 3 (35), pp. 99–107 (in Russian).
17. Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem:* v 17 tomakh, tom 14: Perepiska 1847 [The complete collection of works and letters: in 17 volumes, vol. 14: Correspondence 1847]. Compilers, preparation of texts and comments I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 704 p. (in Russian).
18. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Leningrad, EGO Publ., 1991. Vol. 1, Part 1. 221 p. (in Russian).

Информация об авторе
Бурмистрова С. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Российский государственный социальный университет (ул. Вильгельма Пика, 4, Москва, Россия, 129226).
E-mail: t-svet2007@yandex.ru

Information about the author
Burmistrova S. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department, Russian State Social University (ul. Vilgelma Pika, 4, Moscow, Russian Federation, 129226).
E-mail: t-svet2007@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 13.11.2023; accepted for publication 23.03.2024